

А. П. СМЕРНОВ

ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ НИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Вопросу о древнем славянском населении юго-востока Европейской части СССР посвящено немало работ. Поднятый в свое время В. Ламанским¹, он разрешался положительно многими историками, в том числе Иловайским². Положительно решал его и А. А. Шахматов, основавший свое мнение на свидетельстве восточных писателей, из числа которых этого вопроса касались Масуди и аль-Белазури. Первый из них отмечает, что берега Дона заселены многочисленными славянскими народами: «Большая часть их племен суть язычники, которые сожигают своих мертвецов и поклоняются им, что же касается язычников, находящихся в стороне Хазарского царя, то некоторые из них суть славяне и Русы. Они живут в одной из двух половин этого города и сожигают своих мертвецов с их выючным скотом, оружием и украшениями»³. Аль-Белазури, писавший во второй половине IX в., отмечает, что Мерван взял в плен в земле хазар 20 000 человек⁴. А. Шахматов, опиравшийся на эти сведения, указал, что многие названия рек в бассейне среднего Дона и Донца — славянского происхождения. Однако, несмотря на определенные исторические данные, заставившие А. Шахматова вслед за Голубовским признать наличие славян не только на Дону, но и далее на юго-восток, положительное разрешение этого вопроса не получило общего признания. Ю. В. Готье в своей работе «Железный век в восточной Европе»⁵ отрицает возможность широкого проникновения славян в юго-восточную Европу в хазарский период. Эту проблему он расчленяет на два вопроса. Первый относится к славянскому населению в хазарских городах и разрешается положительно. Об этом говорят почти все восточные писатели, об этом свидетельствует наличие славянских судей в Итиле. Русское население имелось и в Саркеле, где было найдено большое число русских вещей и открыты славянские поселения. Второй вопрос — о славянском внегородском населении — разрешался им отрицательно. С недоверием отнесся к свидетельству аль-Белазури и Гаркави, считавший, что Мерваном были взяты в плен славянские дружины, служившие в хазарском войске⁶, причем цифру 20 000 он считает преувеличенной. Вестберг совершенно отрицал возможность пленения Мерваном славян; он полагал, что название Сакалиба прилагалось к аланам, о которых здесь и идет речь⁷. Различные мнения по этому вопросу показывают, что он не может быть разрешен без привле-

¹ В. И. Ламанский, О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, Ученые записки второго отделения Академии Наук, кн. V, СПб., 1859, стр. 74.

² Д. Иловайский, Розыскания о начале Руси, Ж. М. Н. Пр., М., 1882, стр. 74—81.

³ Гаркави, Сказания мусульманских писателей о славянах и русских, СПб., 1870, стр. 38.

⁴ Там же, стр. 38.

⁵ Ю. В. Готье, Железный век в восточной Европе, ОГИЗ, 1930, стр. 88—89.

⁶ Гаркави, Указ. раб., стр. 41—43.

⁷ См. Журнал Министерства народного просвещения, 1908, № 2, стр. 365.

чения новых материалов, которые позволили бы разобраться в не совсем точных сведениях восточных писателей. Археологический материал несомненно может разрешить этот неясный вопрос.

Среди археологов мы встречаем также сторонников как первой, так и второй точек зрения. А. А. Спицын полагал, что в этой области (юго-восток) несомненных следов пребывания русских пока не найдено, хотя и открыты вещи курганных типов XI в.⁸, вообще же юго-восток был заселен иранской народностью⁹. Последние работы М. И. Артамонова дали возможность этому исследователю утверждать, что славяне появляются на юго-востоке не ранее конца X в.¹⁰

Этой же точки зрения придерживается и Ляпушкин, который считает, что от побережья Черного и Азовского морей вплоть до северной границы с лесостепью до X в. никаких поселений с памятниками, свойственными древнейшей славяно-русской культуре, известными нам по собственно славянской территории, здесь мы пока не знаем. Многочисленные поселения этой поры принадлежат так называемой салтовомаяцкой культуре, этнически пока не определенной. По мнению автора, славяне появляются там в конце X в. и остаются до XII в.¹¹ На других позициях стоит В. Мавродин, считающий славян автохтонным населением юго-востока¹². На близких позициях стоит и А. Арциховский, на основе изучения керамики полагавший, что этот край был издавна заселен славянами¹³. Эта точка зрения подтверждается и археологическим материалом, правда, пока еще не очень значительным. Анализ курганных погребений эпохи раннего средневековья позволяет выделить небольшое число памятников, которые не могут быть связаны с сарматами и хорошо сопоставляются с трупосожжениями славян. К их числу следует отнести курганы, открытые в Нижнем Поволжье, у села Денгоф Саратовской области. Первый из них, обозначенный Е—7, представляет сильно размытую насыпь 0,20 м высотой и диаметром около 9 м. Квадратный раскоп 3 м ширины открыл остатки сожженного на древней поверхности костра из дубовых стволов и веток. Сохранившаяся часть кострища позволяет заключить, что материал для костра был сложен в виде квадрата 2,5—3 м ширины. Около обугленных веток с северной стороны в подстилающей почве замечены небольшие пятна красноватого обжига. В центре и в юго-восточной поле кургана обнаружены в виде беспорядочных вкраплений мелкие угольки и комочки докрасна прокаленной почвы. В том же слое, в центре, среди угольков, найдены осколки конских бабок. Ни ямы, ни следов грунтового выкида под насыпью не обнаружено¹⁴.

Того же типа курган Е—13, расположенный у села Эндерс на левом берегу р. Большого Карамона, где в центре насыпи на глубине 0,75 м от поверхности были обнаружены остатки кострища. Сохранившаяся периферийная часть костра состоит из полуистлевших и обугленных березовых и дубовых плах 0,15—0,20 м толщины. Судя по расположению остатков, кострище занимало площадь 3 м² в поперечнике. В восточной части кострища найдены в небольшом количестве мелкие остатки женных костей и незначительный обломок черепа крупного животного¹⁵. Таков же и курган Е—14 у села Прайс, где обнаружены

⁸ Там же, кн. VIII, СПб., 1899, стр. 48.

⁹ Там же, СПб., январь, 1909, стр. 56.

¹⁰ М. И. Артамонов, Средневековые поселения на Нижнем Дону, 1—1933, стр. 42.

¹¹ Материалы и исследования по археологии СССР, М., 1941, № 6, стр. 191.

¹² В. Мавродин, Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X—XIV вв., Ученые записки Ленингр. педагогич. ин-та им. Герцена, т. XI, Л., 1938, стр. 48.

¹³ А. В. Арциховский, Лекции по археологии, ч. II, М., 1938, стр. 62—63.

¹⁴ Труды секции археологии РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 1432.

¹⁵ Там же, стр. 432.

остатки кострища, находившегося в насыпи на глубине 45 см. К сожалению, курган был разграблен и обряд погребения проследить не удалось.

Несколько больше материала дал курган Д—42¹⁶, овальный в плане, несколько уплощенной формы, высотой 15 см. На древней поверхности под насыпью прослежены остатки кострища из березовых дров. Почва кругом обожжена. Там же найдены вещи, несколько поврежденные пожаром: острие, железный нож, бронзовая пряжка, украшения и псалии конского убранства. В южной части кургана найдены кости лошади и обломки посуды, сделанной из грубо отмученного теста с краем, покрытым поперечными зарубками.

Таков же по обряду погребения расположенный рядом курган Д—47. Овальный в плане, высотой 0,20 м, он под насыпью хранил остатки костра с одной вещью — серебряной пластиной от пояса, покрытой по краям зернью, и с двумя глазками на поверхности. Почва вокруг была прокалена¹⁷. И, наконец, сюда же относится курган Д—18 полшаровидной формы, диаметром 12 м, высотой 30 см, окруженный неглубоким рвом. Под насыпью не обнаружено следов могильной ямы, но замечены кости животных и угли от костра.

Производивший исследования П. Рау делает следующий вывод о характере раскопанных им курганов с остатками костров. Костер сгорал на месте, от чего происходил больший или меньший проквал почвы как в подстилающем, так и в покрывающем слое мощностью в 10—15 см. Это подтверждается также известным порядком в расположении плах и брусьев. Опираясь на тот факт, что наши кострища являются остатками сожигавшихся тут же костров и принимая во внимание размеры этих кострищ, следы действия огня в почве и почти полное отсутствие золы, можно высказать достаточно обоснованное сомнение в самой возможности бесследного уничтожения человеческого тела силой столь слабых сравнительно костров. Следовательно, нет никакого основания усматривать в изучаемых кострищах остатки трупосожжения, — подобное допущение является по меньшей мере преждевременным. На основании наличного материала можно с несомненностью установить лишь следующее: на поверхности почвы или на выровненной вершине кургана зажигался сложенный из дубовых и березовых бревен и веток костер, в который клялись вещи: оружие, конский убор и части коня. Горящий еще костер забрасывался небольшой насыпью. Ясно во всяком случае одно: рассмотренные кострища на основании имеющихся данных нельзя ставить в связь ни с человеческим погребением, ни с трупосожжением. И только при условии непредвзятого подхода к ним, как к памятникам не выявленного еще ритуала, гарантирована та полнота внимательного и осторожного к ним отношения, которая необходима для выяснения их истинного смысла.

По находкам вещей в кургане Д—42 и Д—47 исследователь датирует эти памятники IV—V вв. н. э.

Наиболее интересными из этой категории памятников являются курганы, открытые в 1925 г. близ г. Покровска, занесенные в дневник под №№ 17 и 18 и давшие большое количество вещей¹⁸. Первый из них имеет высоту 0,45 м и диаметр 12 м. При вскрытии насыпи на глубине 20 см в центре кургана обнаружены небольшие комочки обожженной земли и угольки. Здесь же в северо-восточном углу колодца найдены жженные позвонки барана, а рядом и вплоть до горизонта — обломки

¹⁶ P. Rau, Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgebietes im Jahre 1926, Pokrowsk, 1927, стр. 72.

¹⁷ Там же, стр. 75—76.

¹⁸ Изв. Краеведческого ин-та при Саратовском гос. ун-те, т. 1, Саратов, 1926, стр. 133.

сбруйных украшений в виде бронзовых золоченых прямоугольных штампованных с орнаментом пластинок и круглых прямоугольных штампованных же блях с изображением львиных голов *en face*. Почти в центре насыпи на той же глубине найдены в кучке скипевшиеся на огне железные трехперые стрелы, обломок железного однолезвийного массивного меча, удила и обломки костяного плоского предмета, хорошо отполированного, имеющего форму пластинки, вроде тех, какие служили для обкладки лука. Все предметы носят следы пребывания на огне и лежат в кучке угля и золы.

Схематическая карта размещения курганов с трупосожжением

Курган № 18, расположенный рядом с № 17, имеет высоту 0,60 м и диаметр 10,50 м. В насыпи были найдены на глубине 0,20 м кости ног с лопатками и обломки ребер молодой лошади, лежавшие в порядке по направлению с юга на север. Около задних ног, т. е. в северной стороне, обнаружена на глубине горизонта и выше куча мелкого угля, золы и обожженной земли, в которой помещались обломки сбруйных украшений в виде прямоугольных квадратных пластинок с остатками позолоты и штампованным орнаментом, изображающим морды львов. Здесь же найдены небольшие, в 4—5 см длиной, бронзовые трапеции с круглыми отверстиями в вершине, обломки костяных пластинок и изогнутая с сохранившимися бронзовыми гвоздиками плоская тонкая бронзовая обойма, очевидно, для обкладки седла. Мелкие кости барана, иногда жженные, попадались здесь же. В обоих курганах, очевидно, имеем трупосожжение.

Анализу материала двух последних курганов посвящена работа Т. М. Минаевой «Погребение с сожжением близ г. Покровска»¹⁹, в которой привлечен сравнительный материал и определена датировка.

¹⁹ Ученые записки Саратовского гос. ун-та, т. VI, Саратов, 1927, стр. 89.

Автор, участник раскопок²⁰, считает, что в обоих случаях мы имеем дело с трупосожжением, произведенным на стороне. Остатки костров были перенесены и засыпаны, также были засыпаны и кости животных, представляющие собой части тризны. Г. М. Минаевой в качестве аналогии привлечен материал, полученный раскопками Самоквасова близ Новогригорьевки Екатеринбургской области²¹. В отчете отмечено девять гробниц, не имевших над собой курганных насыпей. По наружному виду они представляют собой круглые, ровные пятна от 10 до 28 м в диаметре, помещающиеся на распаханых полях, но обходимые плугами пахарей и потому поросшие дикими растениями. Исследование их показало, что плуг обходит эти пятна потому, что в них залегает слой камня на глубине одной-двух четвертей от поверхности. Одно из таких пятен, раскопанное Самоквасовым, дало слой камня на глубине 2 четвертей от поверхности. Между камнями оказались зола и железные стрелы оригинальной формы, железное кольцо, глиняный просверленный шарик, несколько золотых и бронзовых бляшек. Тут же между камнями находились угли и обугленные кости человека и лошади. В других могилах были найдены лишь уголь и жженные кости, в одной из них — только черепки разбитого сосуда. В остальных могилах инвентарь был более богат и содержал предметы вооружения и различные орнаментальные бляшки и украшения. Интересна одна деталь погребального обряда: боковые стенки двух могил оказались выложенными булыжником, битым камнем и плитками. В отчете отмечено, что «признаков сожжения трупа на месте его в могиле не было; уголь, жженные кости и все перечисленные предметы помещались в слое черной земли, не имевшей никаких признаков обжигания; под этим слоем чернозема следовал нарушенный материковый слой желтой глины, на котором также не было замечено никаких признаков действия огня. Повидимому, труп покойника, его лошади, оружие и украшения были сожжены вне могилы, а после сожжения, остатки костра собраны, рассыпаны в неглубокой могиле и прикрыты слоем чернозема, а по нем слоем камня». Т. М. Минаева правильно сопоставляет Новогригорьевку с покровскими курганами, так как в Новогригорьевке мы, несомненно, имеем дело с курганным погребением. Курганные невысокие насыпи были, повидимому, распаханы до слоя камня, который не позволял проводить более углубленную распашку и спас тем самым памятники от окончательной гибели. В своей работе Т. М. Минаева связывает эти курганы в одну группу и отмечает, что в обоих случаях мы имеем дело с сожжением, с подчеркнутой ролью коня в погребальном обряде. Она отмечает, что аналогичные погребения известны в Саратовском Поволжье из раскопок Ширинского-Шихматова у села Нижней Добрынки в быв. Камышинском уезде. Вещи, полученные при раскопках, носят следы пребывания в огне. В их числе — однолезвийный меч, трехперые стрелы, двойные удила, бронзовая лента, покрытая золотой пластиной. Все вещи аналогичны новогригорьевским. Разбирая покровский материал, автор отмечает широкое распространение вещей этого стиля. Она приводит аналогии из Южного Поднепровья, из Северного Кавказа, из Молотовской области, из Венгрии, материал из керченских склепов, датируемых III—IV вв. н. э. На основе широкого сопоставления материала она убедительно датирует покровские курганы временем от конца IV—V вв. до VII в. н. э.

Нельзя также пройти мимо курганов, открытых близ с. Буд и Березовки, в Харьковской области, давших ту же картину. Это курганные насыпи полушаровидной формы высотой от 30 до 60 см и диаметром

²⁰ Изв. Краеведческого ин-та при Саратовском гос. ун-те, т. 1, Саратов, 1926, стр. 89, прим. 1.

²¹ Отчет Археологич. комиссии за 1882—1889 гг., СПб, 1891, стр. 52.

15—25 м²². В первом пункте было раскопано два лучше сохранившихся кургана. В одном из них на глубине около 30 см от уровня горизонта обнаружен слой золы мощностью около 60 см. Как в насыпи этого кургана, так и в слое золы ничего не было найдено; такие же результаты дала дальнейшая раскопка его, доведенная до материка. В другом кургане обнаружена зола в небольшом количестве и несколько разрозненных обломков глиняных сосудов, а на глубине около 40 см от уровня горизонта найден небольшой глиняный горшочек.

Другая группа состояла из девяти курганов, из которых раскопано шесть. Курганы этой группы вполне аналогичны курганам первой, причем все сильно распаханы. Высота их от 40 до 65 см, а окружности — 45—70 м. Слой золы в этих курганах был мощностью 50—60 см; иногда зола лежит не сплошь, а гнездами — в центре и по краям кургана. В двух курганах обнаружены круглые ямы, засыпанные черной землей. Из находок, сделанных при раскопке, интерес представляет керамика. Она вылеплена из красноватой слегка очищенной глины, не содержащей искусственных примесей. Горшки лепились на глиняных пряхах. Край у всех горшков отогнут и обрезан волнообразно, шея низкая, плечи выражены слабо, боковые стенки выпуклые. Днища плоские, довольно узкие и тонкие и часто окружены валиком. Орнамент по краю состоит из отверстий.

Исследователь пришел к заключению, что в описанных курганах встретился обряд погребения с трупосожжением. Плохая сохранность курганов не дает возможности восстановить во всех деталях погребальный ритуал, но в общих чертах картина его ясна. Покойник сожигался, повидимому, не на том месте, где его погребали, так как обожженных мест в курганах не оказалось, а зола была или совсем чистой, или с примесью мелких угольков. «Во всяком случае можно признать вполне установленным, — пишет автор, — что кости сожженного покойника складывались в глиняные урны, которые ставили потом или в насыпи кургана, или на поверхности почвы, т. е. на уровне горизонта, или на небольшой глубине, ниже уровня горизонта... Каждый курган заключал в себе, повидимому, по нескольку погребений, на что указывают кучи золы, имеющиеся в некоторых курганах, и большое количество обломков крупных глиняных сосудов».

Курганы близ Харьковки дали аналогичную картину трупосожжения. Особый интерес представляет курган № 1, где аналогичное трупосожжение открыто на глубине 60 см и является вводным, а ниже его, на глубине 94 см, обнаружено основное трупоположение, давшее фибулы так называемого «готского» стиля VI—VII вв.²³

Все разобранные памятники дают одну очень хорошо прослеженную картину трупосожжения, как правило, произведенного на стороне и только в двух случаях — на месте. Над останками, положенными на горизонте или в небольшом углублении, насыпался невысокий курган. Дата этих памятников устанавливается довольно точно. Как выше отмечено, Т. М. Минаева убедительно доказала время этих захоронений IV—VII вв. н. э. На эту же эпоху указывает и материал, полученный раскопками П. Рау. В кургане Д—42 им найдены: трехперая стрела, пряжки — круглая и овальная с язычком, изогнутым на конце, накладные бляшки, украшенные зернью и вставками. Все эти вещи хорошо укладываются во время IV—VI вв. н. э.

Кому же могут принадлежать описанные курганы? П. Рау не остановился на этом вопросе, считая курганы не трупосожжениями, а па-

²² Данилевич, Раскопки курганов около с. Буд и Березовки Ахтырского у. Харьковской губ., Труды XII археологич. съезда в Харькове 1902 г., т. I, М., 1905, стр. 411.

²³ Данилевич, Указ. раб., рис. 56.

мятниками особого ритуала. Т. М. Минаева склонна была отнести их к сарматам, длительно и, видимо, непрерывно населявшим степи юго-востока России. Вместе с тем она отмечает: «Несмотря на то, что рассмотренные выше данные говорят за последнее положение (сарматы), на него все же пока следует смотреть как на гипотезу. Мало еще материала, совершенно не изучена нами эпоха переселения народов, чтобы утверждать это положение категорически...»²⁴. П. С. Рыков также относит курганы с трупосожжением, открытые в Поволжье, к сарматам: «Как бы то ни было, своеобразные курганы типа кургана № 17 являются большим исключением и, принадлежа к сарматским, относятся к IV—V вв. н. э.»²⁵.

Трудно согласиться с высказанными точками зрения. Ритуал сарматских погребений трудами ряда исследователей изучен достаточно хорошо. Мы не встречаем там сожжений. Правда, в погребальном обряде сарматов огонь играл большую роль. У могилы разводился погребальный костер, остатки его ссыпались в могилу, часто в горячем виде, что приводило к обожжению трупа. Пережиточные формы древнего местного обычая сожжения исчезают на позднесарматской стадии²⁶.

Описанные выше курганы с сожжением, таким образом, выходят из рамок погребального ритуала сарматов. И трудно согласиться с объяснением, которое дает этим памятникам К. Ф. Смирнов: «Остатки жертвоприношений и тризны часто занимают центральное место в сарматском кургане,— пишет исследователь,— а погребение смещается в западную полу кургана— как бы происходит отделение могилы от места тризны. Содержимое курганов с сожжением IV—V вв. имеет характер таких жертвенных мест: части оружия, конская сбруя, битая посуда, раздробленные и обожженные кости овцы и лошади. Не являются ли курганы с сожжением местами таких отделившихся от погребений жертвоприношений по смерти представителей сарматской знати IV—V вв.?»²⁷.

Трудно согласиться с таким утверждением прежде всего потому, что таких курганов мало, всего несколько, на большее число курганов с могилами сарматской знати. Да и, кроме того, эта гипотеза не объясняет присутствия жженных костей и отсутствия вещей, что как будто необычно для погребений богатых членов рода. Эпоха, следующая за сарматами, дает памятники алано-хазарского типа. Это также труположения, связанные генетически с предшествующей эпохой. Таково погребение, открытое близ села Зиновьевки Лопатинского района Саратовской области. Это погребение оказалось впускным²⁸. В могиле, имевшей в глубину до 1,15 м, в ширину 0,80 м и в длину 2 м, лежал костяк мужчины вытянуто на спине, головой к северо-востоку. На тазовых его костях были найдены остатки кожаного пояса с серебряными плоскими бляшками. Под спиной лежал серебряный наконечник от ремня и плоская прорезная пластинка, а в ногах четыре бронзовые обоймицы. Сравнение инвентаря погребения с материалом средневекового Крыма позволило датировать погребение VII—VIII вв. н. э. и отнести его к поздним аланам, т. е. к тому же племени, к которому относится и Салтовский могильник.

²⁴ Ученые записки Саратовского гос. ун-та, т. VI, Саратов, 1927, стр. 92.

²⁵ Изв. Краеведческого ин-та при Саратовском гос. ун-те, т. 1, стр. 104.

²⁶ К. Ф. Смирнов, Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и южного Приуралья, Доклады и сообщения Исторического фак-та МГУ, вып. 5, М., 1947, стр. 77.

²⁷ Там же, стр. 77.

²⁸ П. Рыков, Позднесарматское погребение в кургане близ с. Зиновьевки Саратовской губ., Саратов, 1929.

Последний также не дал погребений с трупосожжениями, а обычное трупоположение в камерах. В могильные камеры вел проход в виде коридора, иногда очень глубокого и далеко идущего в глубину земли. Стены и пол его хорошо заметны. Пол наклонный, заканчивается вертикальной стенкой, иногда до 5—6 м. Внизу в самом конце вырывалось отверстие около 70—80 см высотой и во всю ширину прохода; отверстие это вело в самую камеру. Пол камеры вырывался или наравне с полом прохода, или чаще на 10—20 см ниже, иногда же в самом отверстии делался невысокий порог. Камеры встречаются различных размеров, но до сих пор находились только одиночные, без каких бы то ни было указаний на проход в другую камеру или боковые помещения. Пол почти квадратный, около 2 м в длину и ширину, иногда больше, иногда значительно меньше. Камеры выкладывались сводчатые, свод делался коробовый или крестовый, причем в последнем случае ребра схождения частей свода выведены настолько резко, что видны до сих пор. Камеры вырыты небольшим орудием. Обыкновенно вход в камеру ничем не закрывался, только один раз был найден кусок дерева, прикрывавший отверстие; обыкновенно же доступ к камере засыпался землей. В каждой погребальной камере заключалось несколько, чаще всего три скелета, значительно реже один или два. Погребение сопровождалось вещами: орудиями труда и украшениями²⁹. Все материалы показывают, что, начиная с эллинистической эпохи, происходит развитие одной культуры — сарматской, которая переходит в аланскую культуру Салтовского могильника. Погребальные камеры последнего, несомненно, развились из подобных погребений сарматов и составляют непосредственное их продолжение. Ту же преемственность мы найдем и в вещах. На территории юго-восточной Европы не встречено трупосожжение, которое можно было бы бесспорно отнести к сарматам. Анализ их памятников от эллинистической эпохи до VIII—IX вв. не оставляет места для рассмотренных выше редких трупосожжений.

Немногочисленный вещевой материал рассмотренных трупосожжений не является типичным для какой-либо культуры. Подобные вещи встречаются на значительной территории. Уже Т. М. Минаева в цитированной выше работе указала аналогии им в ряде областей — на Северном Кавказе, на Капе, в Среднем и Нижнем Поволжье, в Венгрии, т. е. в областях, занятых различными племенами. Эти вещи имели самое широкое распространение и не могут свидетельствовать о племенной принадлежности погребенных. Они дают лишь датировку памятников IV—VII вв. н. э.

Керамический материал в поволжских курганах встречен в таком незначительном количестве, что не дает возможности произвести сравнения. Значительно больше керамики дали курганы у села Буд. Встреченная здесь керамика, грубая и лощеная, хорошо сопоставляется с материалом роменских городищ.

Однако вопрос о племенной принадлежности вовсе не так безнадежен, как это кажется на первый взгляд. Все рассмотренные памятники имеют специфические черты, которые не оставляют сомнений в их племенной принадлежности. Перед нами невысокие курганы, окруженные ровиками с остатками кострищ на поверхности, под насыпью кургана жженные кости, в частности кости животных. Типична бедность инвентаря. В ряде курганов вещей никаких нет. Другая же часть курганов содержала вещи, частично побывавшие в огне. Интересна деталь погребального обряда кургана у Новогригорьевки в виде каменной вы-

²⁹ А. М. Покровский, Верхне-Салтовский могильник, Труды XII Археологического съезда в Харькове 1902, т. 1, М., 1905, стр. 479.

мостики, между камнями которой находились жженые кости человека и лошади. В той же курганной группе мы встречаем углубления, выложенные камнями, в которых были положены жженые кости и вещи.

Все эти черты типичны для погребений древних славян. Таков относящийся к концу этой эпохи могильник на среднем Дону. Он отличается крайней бедностью находок, среди которых на первом месте стоит однотипная грубая керамика³⁰. Эта же бедность находок характерна и для более западных и северо-западных славянских областей, отличая их от более ранних скифо-сарматских, где вещественные находки, как правило, встречаются в значительно большем числе. Картину, аналогичную вышеразобранному сожжению, мы находим и у радимичей. Там курган насыпался над местом сожжения. На поверхности находились пепел, уголь и кости. Иногда перед засыпкой кострище сдвигалось в одну кучу. Вещей, как правило, не встречается³¹.

Для северных областей эпохи второй половины I тысячелетия нашей эры характерны сопки и длинные курганы. Собранный материал позволил установить распространение и время этих памятников. Датированные вначале VIII—IX вв. они позднее дали материал, позволивший пересмотреть этот вопрос и понизить дату с VIII—IX до VII в., а для некоторых и до V в. н. э. Эти ранние курганы приходят непосредственно к трупосожжению IX—X вв. и курганам с труположением XI—XII вв. Длинные курганы расположены не только на севере, но по некоторым данным заходят и южнее. Так, имеются сведения, полученные от Мазараки, о какой-то долгой могиле, где была найдена фибула «готского» типа с эмалью, на реке Суле в пределах бывш. Роменского уезда.

Исследованные курганы дали несколько вариантов обряда погребения, различного в деталях. Обычно под насыпью находились остатки кострища. Помещались они или в центре, или с краю площадки кургана, причем в последнем случае сожженные кости лежали отдельно в насыпи кургана. В некоторых курганах кости лежат на кострище, но не во всех этих случаях трупосожжения совершены на месте кургана. В ряде курганов кострища или очажки лежали выше в насыпи курганов и являлись, повидимому, остатками жертвоприношения. Сравнительно редко остатки сожжения помещались в неглубоких ямках. Необходимо отметить одну деталь погребального обряда, которая встречается в ряде курганов: это наличие каменных кладок, устроенных или в виде дуги или помоста.

Бранденбург отмечает, что особенностью многих сопок являются массивные, иногда циклопического характера, каменные сооружения. Они имеют вид простых нагромождений, помостов, стенок, правильных кругов. Погребения обычно находились сверху насыпи. В качестве примера можно привести большую сопку у села Михаила Архангела, расположенную выше села на левом берегу Волхова. Там в насыпи находилась каменная кладка в виде круглого докола, внешняя стенка которого сложена из валунов, внутренняя — из плит. Внутри этой кладки встречено шесть слоев валунов. Между кладками в трех местах найдены уголь и остатки обгорелых бревен. В юго-восточной части на подошве обнаружен слой сожженных костей и вещей. Нельзя также пройти мимо средневековых погребений, открытых близ Пастерского городища и представляющих собой невысокие курганы до 1,5 м высотой и 30—50 м в окружности. Под насыпью, на уровне земли, находился слой выжженной до кирпичного состояния глины, где попадались куски обгорелых человеческих костей, а вокруг — обломки двух-трех разбитых сосудов,

³⁰ П. П. Ефименко. Раннеславянские поселения на Среднем Дону, Сообщения ГАИМК, 1931, № 2, стр. 7.

³¹ Б. А. Рыбакову, Радзімічы, Менск, 1932, стр. 84.

железный нож, каменный брусок, бронзовая шпилька, гладкие бронзовые браслеты и в одном случае железный топорик³².

Расположение сожженных костей в славянских курганах также аналогично поволжским. В сопках кости лежат слоем, реже собраны в горшок. Иногда слой костей незначителен, иногда же имеет в диаметре около 1 м; в последнем случае с человеческими костями нередко смешивались кости животных, преимущественно домашних. Груды, площадки из валунов характерны для сопкок³³. Сравнивая весь материал, нетрудно видеть, что древнеславянские сожжения, кстати не имеющие типичных славянских украшений, по обряду погребения, во всех деталях аналогичны описанным курганам Нижнего Поволжья.

Судя по незначительному числу таких курганов, проникновение славян в эпоху V—VII вв. не носило тогда массового характера, но оно явилось предшественником более поздней славянизации края в конце хазарской эпохи, когда славянское население, судя по раскопкам Саркела и сведениям восточных писателей, было уже многочисленным. Это хорошо установлено для Саркела, где М. И. Артамоновым исследовано значительное число славянских погребений и где раскопки города дали большое количество славянских вещей. Славянские вещи этого времени распространены и на Тамани, где близ Фанагории были открыты погребения со славянскими вещами и найдены печати. На Кубани исследованиями М. В. Покровского и Н. В. Анфимова открыто большое число средневековых селищ, расположенных по правому берегу Кубани. На этих селищах среди подымного материала найдено некоторое количество типичных славянских черепков, которые свидетельствуют о проникновении славянства в Предкавказье. Нельзя не отметить и случайное погребение со славянской керамикой, открытое Т. М. Минаевой в районе Сталинграда. Исследованная ею могила содержала костяк, положенный вытянуто на спине головой к северо-западу. Возле правого виска стоял типичный славянский горшок. Т. М. Минаева справедливо сопоставила эту находку с той славянской волной, которая характерна для хазарской эпохи. Она отмечает, что русские оставались в том или ином числе на Дону еще в XIII в., как видно из сообщения Рубруквиса, видевшего здесь русское село, которому Батый и Сартак предоставили здесь право перевоза через Дон³⁴.

Нельзя пройти мимо погребений с радимичскими семилучевыми височными кольцами X—XI вв., найденными на покойниках, положенных вытянуто головой на запад, т. е. по славянскому обычаю. Эти погребения открыты покойным директором Моршанского музея П. П. Ивановым при исследовании Пановского могильника близ Моршанска. Не лишена интереса и привеска мощинского типа с эмалью, найденная близ Моршанска и хранящаяся с отмеченными радимичскими кольцами в Моршанском краеведческом музее.

Типичные славянские памятники находим мы и на территории волжских булгар. Записка Ибн-Фадлана и свидетельства других восточных авторов сохранили нам описание русов, приехавших в город Булгар. Среди археологических памятников, расположенных в области булгар, обращают на себя внимание курганы с трупосожжением, исследованные А. Штукенбергом и В. В. Егеревым. Эти курганы нельзя считать принадлежащими булгарам, так как обряд погребения последних нам хорошо известен и по записке Ибн-Фадлана и по раскопкам «Бабьего бугра» в булгарском городище. Там в 1947 г. объединенная экспедиция

³² В. В. Хвойко, Городища Среднего Приднепровья, их значение и народность, Труды XII Археологич. съезда, т. 1, М., 1905, стр. 93.

³³ А. Спицын, Сопки и жалники, Записки Русского археологич. об-ва, т. XI, СПб., 1899, стр. 142—143.

³⁴ Т. М. Минаева, Погребение Зацарицынского района г. Сталинграда, Сообщения ГАИМК, 1932, № 3—4, стр. 63.

Института истории материальной культуры, Гос. Исторического музея и Госмузея Татарской АССР раскопала домонгольское кладбище X—XII вв. Там все погребения оказались обычными труположениями головой на запад. Ибн-Фадлан подробно описал обряд погребения: «И когда он прибудет туда, они берут его с повозки и кладут его на землю, потом очерчивают вокруг него линию и откладывают его в сторону, потом выкапывают внутри этой линии его могилу, делают для него боковую пещеру и погребают его»³⁵. Этот обряд напоминает ритуал позднесарматских захоронений. Различие с захоронениями «Бабьего бугра» объясняется многоплеменным составом булгарского царства, где каждое племя имело свои обычаи.

Интересующие нас курганы с трупосожжениями открыты в селе Балымерах Куйбышевского района Татарской АССР. Эти курганы дали местный рядовой материал и отличны от других курганов, известных по раскопкам Штукенберга. В одном из последних был найден меч каролингского типа X в. Этот курган мог принадлежать только какому-либо купцу-русу. Он как бы является овеществленным рассказом Ибн-Фадлана.

Балымерские курганы первой группы исследовались неоднократно. В 1870 г. группу курганов куполообразной формы раскапывал некто Стоянов, давший отчет о своих раскопках в «Приложениях» к протокол. засед. от 21 апр. 1871 г. Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Раскопки Стоянова дали «неопределенные» результаты: обнаружено было, что все шесть насыпей, раскопанных Стояновым, состояли из смеси песка и чернозема с некоторым количеством золы, углей и обгорелых костей животных. Позднее, в 1882 г., раскопки курганов в окрестностях сел. Балымеры производил П. А. Пономарев. Особенно удачной в смысле находок была раскопка кургана П. А. Пономаревым и Н. П. Лихачевым, обнаружившая оружие, доспехи покойника (причем труп покойника был сожжен) и некоторые другие вещи.

Таким образом, раскопка кургана довольно определенно выяснила следующую вероятную картину погребения: на поверхности земли раскладывается большой продолговатый костер; после сожжения на нем трупа погребяемого продукты горения несколько сгруживаются к центру, так что кострище суживается и укорачивается; затем на образовавшейся кругом него расчищенной полосе, сохранившей только отчасти следы пепла, в определенном порядке раскладываются оружие и прочие вещи, и в заключение над местом погребения насыпается курганообразный холм.

В Государств. музее Татарской Республики хранится коллекция В. В. Егерева³⁶ в составе: наконечника копья, двух медных золотоордынских монет, ральника, трехгранного наконечника стрелы с полукруглым дугообразным лезвием, металлической пластинки, костяной иглы, двух бусин, двух прясл, небольшого сосуда. В коллекции Общества археологии, истории и этнографии имеется несколько обломков сосуда из красной глины высокого обжига, прясло, фрагмент восточного зеркала со следами орнаментации³⁷. При обследовании Шолома в 1924 г. Смолиным было собрано 26 обломков посуды из желтоватой, темной глины с примесью крупнозернистого песка плохого обжига. При исследовании в 1925 г. в кургане обнаружено 30 кострищ и было найдено большое число обломков посуды с грубой бугристой поверхностью, с сильно утолщенным дном. Глина буровато-темная с примесью крупнозернистого песка. Обжиг сосудов низкий. Наряду с этой посудой (95%)

³⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу, М., 1939, стр. 77.

³⁶ Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии, т. XXXIII, вып. 2—3, Казань, 1926, стр. 117.

³⁷ Там же, стр. 119.

имеется незначительное число обломков посуды высокого обжига из хорошо промешанного теста, сделанной на гончарном круге. Удалось установить среди посуды горшки, чаши, кувшины, миниатюрные сосуды. Помимо посуды была найдена янтарная подвеска.

Вероятнее всего этот курган представляет коллективное кладбище, существовавшее в период IX—XII вв.; по своему характеру он напоминает ранние славянские курганы с трупосожжением. Отличием является отсутствие погребальных урн. Есть все основания полагать, что в Поволжье эти курганы явились результатом проникновения славян. Вместе с тем, вещи, найденные при кострищах,—местные. Особенно это хорошо видно по керамике, аналогичной посуде верхних слоев городищ рогожной керамики и раннебулгарской. Местный материал не позволяет говорить о погребении какого-нибудь купца-руса, а здесь может быть похоронен или славянизированный болгарин или славянин, пришедший с булгарами и здесь ассимилировавшийся с местным населением, но погребенный по обряду своего народа.

Все приведенные археологические памятники заставляют с вниманием отнестись к сообщениям восточных писателей о славянах в хазарском каганате. Несомненно, славяне играли большую роль и у булгар, что привело к сходству некоторых элементов материальной культуры и языка булгар и славян, отмеченному рядом восточных авторов.